

Теория «сходства» против «лингвистического поворота», или Блуждание в Хэмптон-Кортском лабиринте

В. Н. ПОРУС

Сразу замечу, что критически отношусь к идее «лингвистического поворота» совершенно независимо от того, поддерживают ли ее корифеи логики или эпигоны, не умеющие отличить «материальную импликацию» от «логического следования». Меня прежде всего не устраивает то, ради чего, собственно, и затевался пресловутый «поворот», а именно подмена философии рассуждениями об условиях философствования, когда эти условия определяются и даже диктуются теми, чьи представления о философии, на мой взгляд и вкус, слишком примитивны, а набор аргументов выглядит внушительным только для тех, кто склонен впасть в экстаз или священный трепет от одного вида текстов, насыщенных логической символикой. Такая подмена, какими бы благими намерениями она ни направлялась, самоубийственна для философии. То, что и эта попытка философского суицида неудачна (ведь даже искренние и высокообразованные сторонники «лингвистического поворота» полагают, что занимаются *живой* философией, а не участвуют в ее погребении), вселяет кое-какой оптимизм. Так что я согласен с А.Л. Никифоровым по крайней мере в том, что подмена философских проблем познания «психо-лингвистическими» проблемами употребления языковых выражений – это почти то же самое, что выпало на долю узников платоновской гносеологической «пещеры», – судить о вещах и их отношениях в реальном мире по теням, отбрасываемым этими вещами на одну из стен узилища. Кто-то с покорностью, а то и с удовольствием принимает эту долю, кому-то она невыносима. Я вместе с А.Л. Никифоровым предпочел бы вернуться к философскому рассмотрению понятия «знание».

Но вернувшись, мы пойдем разными путями. Прежде всего потому, что некоторые «простые и тривиальные», по его мнению, мысли, с которых этот путь начинается, а следовательно ими и определяется на всем своем протяжении, по-моему, совсем не просты и не тривиальны, а требуют критического к себе отношения.

Знание отличается от *веры* и *мнения*, напоминает А.Л. Никифоров, тем, что нуждается в *обосновании*. Но *обоснование* выражается в *знании*, следовательно, одни знания обосновываются другими и, если мы хотим получить *общее понятие* знания, получается круг, который надо как-то разорвать. Известно, как это пытались сделать выдающиеся философы от античности до наших дней. При всем различии их взглядов, они сходились на том, что именно обоснование делает наши мнения знаниями. Но как вывести обоснование за сферу обосновываемого знания, чтобы избежать порочного круга?

Можно, как предлагает А.Л. Никифоров, полагать обоснование не знанием, а *действием* познающего субъекта: *проверкой знания* (эмпирическая проверка, логическое доказательство или практическая применимость). Из этого следует: *знание обосновано, если оно проверено*. Наивность вывода слишком очевидна: «ведь каждый день пред нами Солнце ходит, однако ж прав упрямый Галилей», практика позволяет делать очень разные, порою противоречивые, заключения, да и с логическим доказательством все не так просто, ибо существуют разные логики и разные требования к логическому доказательству. Следовательно, проблема обоснования порождает веер гносеологических и методологических проблем: что считать «проверяемостью», что - «доказанностью» и, наконец, «практической применимостью» знания. А еще надо как-то избежать регресса *ad infinitum* при поиске конечного обоснования. Отмахнуться от таких проблем может только уж слишком самодовольная философия. Их надо решать, но как? *Как обосновать саму процедуру обоснования?*

Угроза логического круга опять нависает над нами, и требуется героическое усилие, чтобы ее отразить. Простите за каламбур, тут на помощь призывается ленинская теория «отражения», в которой А.Л. Никифоров выделяет «содержательное ядро»: «отражение следует понимать как *сходство* – сходство отображения с отображаемым»¹. Разумеется, сходство – не тождество, но если в знании есть хоть что-то *сходное* с «реальным объектом», то это «что-то» есть *отражение* этого объекта, и если это так, то знание дает нам кое-какое представление о «самом объекте», то есть

¹ А.Л. Никифоров. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 14. Я ссылаюсь еще и на эту статью, поскольку в ней позиция автора раскрыта подробнее.

в какой-то мере является *объективным* и *истинным*. Вот вам и какое-никакое решение вопроса: *обоснование знания есть установление его сходства с объектом, то есть его истинности*.

Но это тот же логический круг: истинность знания – то, что должно быть установлено, проверено, доказано – *обосновано*, а обоснование есть установление *истинности*. На этой карусели можно крутиться до умопомрачения. Кажется, этого достаточно, чтобы убедиться: философское рассмотрение проблемы знания нуждается в таких средствах, которые позволили бы избежать назойливых логических кругов, и теория «отражения» в виде теории «сходства» не удовлетворяет этому требованию. Эпистемолог, следующий этой теории, уподобился бы героям Джерома К. Джерома, попавшим в Хэмптон-Кортский лабиринт.

А.Л. Никифоров пытается вернуть *bon sense* в философскую теорию познания, верно замечая, что «устранение понятия истины лишает смысла наше стремление к познанию окружающего мира»². Недостаток, на мой взгляд, в том, что он делает это с позиции наивной «естественной установки» (раскритикованной, например, Э. Гуссерлем), отчего его понимание «знания», «обоснования знания» и «истины» оказывается слишком жестким и подверженным логическим кругам. Не помогает делу и перенесение понятия «сходства» на отношение между «реальностью» и «онтологическими моделями»³. Ведь это сходство должно устанавливаться при помощи наблюдения и эксперимента, а оценка результатов последних как «истинных» или «ложных» зависит от их интерпретации с помощью самой модели или «вспомогательных» (инструментальных) теорий. Так или иначе «очной ставки» знания с «реальностью самой по себе» не получается.

Еще раз: задача, какую ставит перед теорией познания А.Л. Никифоров, вполне осмысленна. Я пытаюсь оспорить лишь средства, какими он пытается ее решить. Не так высоко стоит теория «сходства» над мировой философией, чтобы с этой высоты окидывать, подобно лермонтовскому Демону, «презрительным оком» творения последней. Во всяком случае, разумно было бы учесть опыт не только диалектики (без которой теория «отражения» – только образчик докантовской метафизики!), но и феноменологии, а в еще большей степени – социальной эпистемологии в ее трезвых и реалистичных вариантах. «Обоснованность» и «истинность» знания – эпистемологические категории, которые должны связать в себе требования объективности с историко-культурным пониманием становления субъективности как *социального процесса* (который следовало бы назвать процессом «оче

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 27.

ловечивания индивида»). *Отношение знания к своему объекту определяется в исторически и культурно обусловленных процессах практической и теоретической деятельности.* Характеристики знания (в том числе его истинность) могут оцениваться в зависимости от формы, стадии, преобладающей тенденции или конкретной специфики социально-культурной среды, от того, какие ценности в ней преобладают. Классификация или типология знаний зависят от материальных и технических условий жизни, мировоззренческих установок, от горизонта «жизненного мира». Среди типов знания: *обыденное знание*, порождаемое и транслируемое традиционными формами практики и коммуникации, *религиозное, мистическое, мифологическое* знания, выполняющие функции интеграции человеческих обществ, знания, возникающие в сферах художественного творчества. Особое место среди этих типов занимает наука, с ее требованиями истинности и объективности знания. Но сами эти требования уточняются и дифференцируются по мере развития науки и философской рефлексии над ней (истинность как *соответствие* знания реальности, как *согласованность* фрагмента знания с системой, объемлющей его и успешно выполняющей функции описания, объяснения и предсказания явлений; объективность как *независимость от субъективных условий и особенностей познания*, как *интерсубъективность* или *конвенциональный результат взаимной рациональной критики познающих субъектов* и др.).

Сказанное ни в малейшей степени не означает пресловутого «отказа» от истины или других «реалистических» характеристик знания, их безоглядной релятивизации. Речь идет о том, чтобы придать этим характеристикам (а следовательно и самому знанию) социально-культурное и историческое измерение. При этом следует озаботиться тем, чтобы эпистемология не была подмята или подменена социологическим или сравнительно-культурологическим анализом. В этом, на мой взгляд, и состоит перспективная тенденция философского рассмотрения знания.